

Когда сумерки окрасили стеклянные фасады Технопарка в янтарный цвет, Ван Сюаньдао нащупал во внутреннем кармане пиджака портсигар. Датчик движения на пожарной лестнице отозвался на шаги, и на железной двери, ведущей на крышу девятнадцатого этажа, заплескались искаженные тени.

Ночной ветер донес аромат османтуса со стороны парка культурно-творческих индустрий Уюэ, смешанный с горьким запахом табака. Ван Сюаньдао прислонился к опоре градирни, наблюдая, как фонари далекой чайной в вечерних сумерках превращаются в теплые желтые пятна. Лист гинкго, который он позавчера вложил в Дао Дэ Цзин, выскользнул из кармана и, кружась, опустился в угол, заваленный хламом.

— Молодой человек, тоже любите смотреть здесь на звезды?

От старческого голоса с пальцев осыпался пепел. Старик в льняной рубашке протирал чайник из исинской глины. Чайная доска, установленная на катушке из-под кабеля, оказалась переделанной из старой дверной створки, принесенной со сноса. Ван Сюаньдао узнал Лу Яньцю из чайной парка Уюэ; серебряная заколка в виде листа гинкго в волосах старика слегка покачивалась при каждом движении.

— Старец Лу, как вы здесь оказались?

— На крыше воздух влажный, самое то для чайника. — Старик щелкнул пальцем по боку сосуда, и тот отозвался чистым, как звон колокола, звуком. — Чай Чжэншань Сяочжун на воде из источника Сишань. Не желаете попробовать?

Когда золотистая струя чая наполнила белую фарфоровую чашку, Ван Сюаньдао вспомнил проект дополненной реальности, который забраковали в прошлом месяце. Янтарный чай, отрисованный их нейросетью, все же не мог сравниться с тем, как в этой чашке переливался лунный свет. Его манжета задела гравировку на доске: «Вкушая горечь, ощущаешь сладость — в этом и есть высший вкус».

— Молодежь в вашем здании пьет одно лишь пойло для бодрости, — Лу Яньцю погладил патину на чайнике. — Ледяной американо с двойным эспрессо — чем это отличается от того, как в древности глотали порошок пяти камней?

Браслет из древесины туи на запястье Ван Сюаньдао уперся в донышко чашки. В кармане завибрировал телефон, сообщение от менеджера проекта прорезало ночную тишину: «Управление культуры недовольно скоростью загрузки метавселенной! Сегодня все работают всю ночь, нужно оптимизировать!»

Лу Яньцю внезапно взял его за левую руку и нажал большим пальцем на точку шэнь-мэнь на запястье:

— Дух рассеян, желчный пузырь забит. — Старик достал из мешочка палочку полыни и поджег

ее. Сизый дым начертил между ними символ тайцзи. — Мой учитель, когда собирал травы на горе Цинчэн, часто говорил, что болезнь современных людей не в теле, а в том, что дух не на месте.

Вдали послышался вой сирены скорой помощи, и Ван Сюаньдао вспомнил предупреждение о нарушениях сердечного ритма в своей медицинской карте. Лу Яньцю протянул ему чайник, предлагая подержать. Глина была теплой, как отполированный нефрит, а на внутренних стенках от накипи проступил узор гор и рек.

— Этому чайнику тридцать лет, а позавчера после ливня пошла трещина. — Старик указал на тонкую линию у основания. — Заклеил клейстером из клейкого риса, и теперь он держит аромат даже лучше, чем прежде.

Экран телефона вспыхнул в темноте: Су Цзинхао прислала фото. Банки с кофейными зернами в шкафу были переставлены в угол, а рядом красовалась новая глиняная емкость для хранения чая с надписью: «Сделано осенью года Усуй». Ван Сюаньдао погладил трещину на чайнике и неожиданно спросил:

— А если кофе? Можно ли заваривать его в исинской глине?

Смех старца спугнул ночную цаплю:

— Вещи чужеземные, а подход — наш. — Он указал в сторону парка. — Парень из пекарни на западе позавчера приходил спрашивать, как контролировать жар углей.

Когда менеджер проекта позвонил в третий раз, Ван Сюаньдао как раз учился технике заваривания «три поклона феникса». Чай закрутился в чашке воронкой, и Лу Яньцю вдруг произнес:

— В конце месяца истекает аренда Западного флигеля, там двадцать квадратных метров. Раньше там реставрировали древние книги, осталась целая стена рукописей Важнейших принципов питания.

Когда группа разработчиков, вернувшихся к работе, заполнила конференц-зал, Ван Сюаньдао достал из ящика блокнот. Перелистнул на вчерашний набросок кофейных банок и, изменив линию, добавил очертания глиняного чайника. Линь Сусинь протянула ему отвар из лекарственных трав для тех, кто не спит; на термосе красовалась записка: «Час быка — время подпитать печень», а на дне плавали зерна дикого зизифуса.

— Дао-гэ, слышал? В парке открывается ярмарка здоровья. — Она указала на уведомление в телефоне. — Зал Цинъян доктора Чэня тоже участвует.

Свет экрана осветил надпись на полях блокнота: «Анализ возможности использования

исинского чайника для пуровера».

В три часа ночи, отправляя код, Ван Сюаньдао в поле примечаний ввел: «Оптимизация визуализации реальности Уюэ». Перед выключением компьютера он заметил уведомление системы: с сегодняшнего дня все обязаны установить приложение для мониторинга здоровья, при аномалиях сердечного ритма данные автоматически отправляются в отдел кадров.

Ветер на крыше был пропитан прохладой ранней осени, вчерашние пятна чая в фарфоровой чашке превратились в коричневые кольца. Ван Сюаньдао включил фонарик на телефоне, луч скользнул по углу и внезапно замер — чайник с трещиной тихо стоял на кабельной катушке, а под ним лежал пожелтевший бланк договора аренды.

— Молодой человек, вы кое-что забыли. — Голос Лу Яньцю донесся с лестницы, удаляясь: — Западный флигель выходит на восток, в час дракона солнце как раз удобно для обжарки зерен...

Куриный суп с линчжи, приготовленный Су Цзинхао, грелся в термосе. Ван Сюаньдао разложил карту парка, капля кофе упала на Западный флигель, расплывшись в форме листа гинкго. Принтер в кабинете выплевывал соглашение о конфиденциальности приложения для мониторинга здоровья, но он уже набрасывал в блокноте дизайн барной стойки: исинский чайник рядом с сифоном, а на задней стене — бамбуковые дощечки с оттисками Трактата Желтого Императора о внутреннем.

На утреннем совещании менеджер проекта размахивал лазерной указкой:

— Управление культуры требует добавить интерактивные функции для работы с древними книгами!

Ван Сюаньдао крутил браслет из туи, подсчитывая на обороте протокола: аренда Западного флигеля за первый год равна его ипотечному платежу за полгода, а патент на глиняный чайник для пуровера стоит три четверти его премии за проект.

В обеденный перерыв на пожарной лестнице Линь Сусинь подсыпала порошок пории в свой целебный чай.

— Дао-гэ, хочешь попробовать? — Она потрясла баночкой. — Доктор Чэнь говорит, это успокаивает лучше, чем кофе.

Принимая термос, Ван Сюаньдао мельком увидел заставку на ее телефоне — плакат с пятью элементами и лечебными блюдами Зала Цинъян.

Дао Дэ Цзин, лежавший на подоконнике в комнате отдыха, был открыт на сорок пятой главе: «Великое совершенство кажется несовершенным». Ван Сюаньдао кофейным пятном обвел на

пустом месте чайник. Пока след не высох, его утащил на совещание менеджер. Вернувшись, он обнаружил рядом приписку карандашом: «Лучше быть несовершенным человеком, чем идеальной картиной».

Вечером парк был полон ароматом жареных каштанов. Ван Сюаньдао стоял перед пятнистым деревянным окном Западного флигеля, глядя, как закат стекает по рукописям Важнейших принципов питания. Лу Яньцю в соседнем дворе дразнил птицу-белоглазку и вдруг громко произнес:

— Трещины — это годовые кольца вещей, так же и с людьми.

Телефон прислал уведомление о повышении ипотечной ставки, но Ван Сюаньдао лишь сфотографировал проекцию оконной рамы — тени от переплета на стене отмеряли двадцать четыре сезона. Позвонила Су Цзинхао, сообщив, что на аукционе старых книг удалось купить редкое издание Энциклопедии дегустации кофе, а на фоне побулькивал глиняный горшок:

— На плите суп из маша с цедрой, не забудь выпить до полуночи.

Глубокой ночью приложение мониторинга здоровья выдало предупреждение: «Четырнадцать часов непрерывной работы». Ван Сюаньдао закрыл уведомление и записал в блокнот данные об экстракции в исинском чайнике при разной температуре воды. Принтер выплевывал рендеры выставки дополненной реальности, но он на обороте черновика писал: «Кофе Сюань Ци — иероглиф Ци взят из Дао Дэ Цзин: Десять тысяч вещей несут в себе инь и обнимают ян, а в гармонии их дыхание...»

В строке названия кода, отправленного на рассвете, он тихо изменил имя на XuanQi\_Alpha1.0. В момент выключения компьютера на мониторе камер в комнате отдыха мелькнул кадр: ветер открыл Дао Дэ Цзин на восьмидесятой главе, и рядом с карандашной пометкой «сладость пищи и красота одежды» кто-то положил нераспечатанный кофейный сливок.

<http://bllate.org/book/18481/1773468>